

Нет идеи, рождение, развитие и инфильтрацию в научное сообщество которой можно было бы описать предложенной схемой. Как не создано и вряд ли будет создано устройство, работа которого точно описывалась бы циклом идеальной обратимости машины Карно. Но кто на этом основании отрицает чрезвычайную пользу, какую эта исключительно простая схема принесла науке и создателям управляемых технологических циклов. И в нашем случае можно надеяться, что описание научного процесса циклом обратимой интеллектуальной машины будет полезным не только создателям теории развития науки, но и разработчикам управляемых технологий научного творчества.

Методы, выработанные в процессе реализации здесь представленной исследовательской программы, позволяют выделить уже зародившиеся, но еще не воспринятые в качестве серьезной альтернативы принципиально новые научные идеи, чреватые перспективными направлениями научных исследований. Станет возможным целенаправленное формирование социального заказа на новые идеи, выделение областей массовой (в понимании В.И.Вернадского) исследовательской работы, где появление такого рода идей наиболее вероятно, с тем чтобы стимулировать контакты интеллектуального авангарда общества с продуктивно работающими в этих областях самостоятельными исследователями. В этом случае общество, совершая работу уже над интеллектуальным механизмом преобразования идей, заставит работать его в режиме интеллектуального насоса, повышающего пассионарность в областях исследования, требующих ускоренной научной проработки.

Л.В.Супоницкая **НАУКА В СИТУАЦИИ ПОСТМОДЕРНА**

Еще в начале нашего столетия Макс Вебер говорил об «утрате очарования» (entzauberung) мира как об одной из особенностей современного (modern) менталитета. Такое «разочарованное» мировосприятие, по его мнению, связано с феноменом науки Нового времени и со статусом, который она обрела в европейском обществе. Вот некоторые представления, на которых основана модель современной науки (прежде всего естественной):

1. Познаваемый мир предстает как чисто внешний по отношению к субъекту познания.

2. Сама эта наука ориентирована на выявление всеобщих и универсальных закономерностей, причинных связей и прогнозируемых тенденций.

3. Научное знание с необходимостью должно быть ценностно нейтральным.

Философы и гносеологи, исследующие ситуацию и культуру постмодерна, подвергают нововременную модель науки критике, ибо она не свободна от целого ряда негативных моментов. Ей свойственна тенденция ко все большему противостоянию субъекта и объекта познания; в ней господствуют дискурсивность и логоцентризм, которые приводят к отрицанию иных, чем рационализм, методов познания – творчества, переживания, воображения, интуиции. В ней нет места особенному, единичному и случайному. Субъект научного познания отчужден от всей системы ценностей, поэтому наука противопоставляется искусству, религии, философии, этике и всей культуре в целом.

© Л.В.Супоницкая, 1998

Как замечает американский философ Д.Р.Гриффин, во Вселенной отныне «нет места целям, ценностям, идеалам, возможностям и качествам, в ней нет ни свободы, ни творчества, ни темпоральности, ни божественности. Нет ни норм, ни даже истины, и все существующее по сути лишено смысла»¹.

Но, лишив очарования мир и природу, наука в значительной мере утратила собственные основания. В рамках такой науки «чем более постижимой представляется Вселенная, тем более бессмысленной она кажется»². Если мир и вся жизнь человека бессмысленны, то сама наука как сфера человеческой деятельности тоже не имеет смысла. Тяготение к таким «обесмысленным» научным занятиям проникнуто экзистенциальным пафосом и напоминает склонность к «абсурдному творчеству», о котором говорил А.Камю.

Господствовавшее прежде убеждение в том, что наука стремится к достижению истины, сменилось во многих постмодернистских течениях обратным убеждением — что наука не ищет и не находит истины. Многочисленные свидетельства того, что наши восприятия и представления обусловлены языком, этнической культурой (можно вспомнить, например, гипотезу языковой относительности Сепира — Уорфа), а также интересами расового и социального характера, многих заставили осознать, что мировоззрение, даже научное, — это всецело конструкция или проекция, а вовсе не отражение фактического положения дел, порядка вещей, как он есть «на самом деле». Само понятие истины, его смысл и критерии считаются контекстуально зависимыми. Подобные выводы, а также признание того факта, что нововременная наука стремилась к власти над природой и обрела эту власть, заставив природу служить нуждам человека, приводят к представлению, что не истина, а власть является целью науки. Защитники постмодернистских взглядов склонны считать, что научная картина мира «истинна» лишь в том смысле, что она «работает» на этот определенный интерес, отвечает ему. Но и другие картины мира, обусловленные другими, столь же законными интересами, в такой же степени справедливы и имеют право на существование.

Между тем понятие истины образует основание для могущественной апологетики науки, для ее риторики, включая и систему аргументации. Ведь именно такая риторика позволила сформироваться ключевым моментам нововременного взгляда на мир. Так, сегодня многие считают, что в Новое время естественная наука приобрела особый эпистемологический статус благодаря такой риторической реалии, как метафора Книги Природы. Галилей полагал, что Книга Природы написана языком математики, Бойль — что языком химии, но главным было то, что смысл и содержание книги считались принципиально постижимыми, познаваемыми. Сторонники существования объективных истин утверждают, что истина сегодня — это тот регулятивный принцип, который спасет нас от теоретического (а в конечном счете — и от морального) хаоса. Но постмодернисту этот хаос представляется скорее многообразием возможностей. Многие сторонники пост-

¹ См.: Наука и философский постмодернизм (аналитический обзор) // Реферативный журнал. Общественные науки за рубежом. Серия 3. Философия. — 1991. — № 4. — С. 36.

² Вайнберг С. Первые три минуты: современный взгляд на происхождение Вселенной. — М., 1981. — С. 143—144.

модернистских течений не предлагают радикально отказаться от понятия истины, они лишь стремятся связать ее с определенным контекстом. Признавая, что наука открыла много частных истин, они убеждены, что существует много истин, которые не обнаружены ею, и что формулировки открытых ею истин частно-односторонни. Соглашаясь с тем, что в современной (modern) научной картине мира есть некоторое соответствие действительности, они считают, что есть много и других картин мира, которые также соответствуют его целостности. Истории о мире и о познании не отделены резкой гранью от историй других типов.

Учитывая все сказанное, можно сделать вывод о том, что наука сегодня нуждается в новой риторике (может быть, не в такой степени связанной с категорией истины), которая позволила бы ей рассказывать новые истории о познании. Мир постмодерна не дает нам гарантий, и мы сами должны создать все многообразие риторик будущего.

Итак, отношение постмодернизма к науке двойственно: с одной стороны, она объявляется исчерпавшей саму себя и нежизнеспособной; с другой – стимулируется ее обновление на новых основаниях, иногда даже путем выхода за пределы научного знания. Так, по мнению некоторых философов, всеобщность знания может быть достигнута за счет того, что оно станет трансдисциплинарным – благодаря переносу методов, используемых для изучения одного объекта, на исследование другого; благодаря использованию языка как всеобщего метода; благодаря слиянию стилей и интерпретаций. Естественные науки сегодня перестают играть роль эталона научного познания, а некоторые области теоретической физики и математики заимствуют понятия и методы у социальных наук.

«Позитивные» критики нововременной науки пытаются преодолеть ее принципиальную неполноту. Чтобы устранить противостояние субъекта и объекта, они предлагают рассматривать и познающего, и познаваемую реальность как компоненты общего контекста (контекстуальная теория реальности) или межконтекстуальных связей. Объект науки должен воссоздаваться с учетом роли субъекта (это давно уже не новость в физике). Научный поиск должен быть направлен на обнаружение как всеобщих, универсальных закономерных связей, так и локальных. Различные методы познания (рациональный, творческий, интуитивный и даже мистический) должны дополнять друг друга. Субъект познания более не должен быть лишен ценностных ориентаций; в качестве приоритетных здесь должны выступать общечеловеческие ценности.

Конструктивный постмодернизм в лице упомянутого Д.Р.Гриффина предполагает новое единство научных, этических, эстетических и религиозных интуиций. Он глубоко озабочен состоянием постсовременного мира, и не только в том, что непосредственно касается науки. Выход за пределы современного мира будет означать преодоление его индивидуализма, антропоцентризма, патриархальности, механистичности, экономизма, потребительства, национализма и милитаризма.

Наука должна обрести личностное начало. Индивид должен выступать не только как познающий, но и как эмпирический субъект (как таковой он был изгнан из нововременной науки). Вместе с тем наука перестает быть знанием о том, как выжить человеку в мире и становится в большей степени знанием о том, как ему жить.